Валерий Соболев

Мое дело. Наше дело. Общее дело.

ВАЛЕРИЙ СОБОЛЕВ
Мое дело. Наше дело. Общее дело.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валерий Соболев

Мое дело. Наше дело. Общее дело

«Автор»

2022

Соболев В. Г.

Мое дело. Наше дело. Общее дело / В. Г. Соболев — «Автор», 2022

В конце рабочей недели в ювелирный салон Дойла Гранта приходят двое мужчин и плавно переходят к запугиванию, чтобы заставить его платить «процент». Вдобавок к этому на Дойла сваливается проблема посерьезнее, которая касается его дочери Марии. И он решается разобраться во всем с помощью насилия, и так втягивается, что уже не может остановиться...Содержит нецензурную брань.

© Соболев В. Г., 2022
© Автор, 2022

Валерий Соболев
Мое дело. Наше дело. Общее дело

Глава 1: всем нужны деньги.

По одному из ювелирных салонов, который назывался «София», расхаживал молодой человек, с видом, как будто бы понимающего в золоте и серебре эксперта. Его звали Питером Мюллером, и он старательно выбирал обручальное кольцо.

– Господин Дойл, какая цена у этого кольца? Оно серебряное? – сказал он жиденьким тенорком и как ребенок замер в ожидании ответа.

Владелец салона, то есть господин Дойл Грант, одетый в строгий, коричневый костюм и белую рубашку не спешил с ответом. Дойл стоял у окна и смотрел на вечернюю дорогу, на которую падали и тут же взметались багряные листья; дорога эта была пуста, да и время было позднее, слышен был только сентябрьский ветер.

В этот вечер Дойл подменяет Марию, которая приходилась ему дочкой и уже второй год работала в отцовском ювелирном салоне. Мария на несколько дней уехала из Нового города, чтобы навестить ослабшую тетю Сильвию, которая проживала в соседнем городке и в последнее время хворала. Сильвия не гостеприимна и ворчлива; жила она одна и детей не имела. Но была рада, когда приезжала ее любимая племянница и скрупулёзно ухаживала за ней.

– С камнем захотел… – сказал Дойл приятным баритоном. – Четыре сотни Питер!

– Ого.

Питер подошел к кассе, взглянул в глаза господина Дойла, в которых однозначно присутствовало что-то благородное, львиное, и сказал:

– Господин Дойл мне не хватает почти сотни… Я так люблю Нику и хочу для нее только самое лучшее! Я готов отдать все свои деньги. Прошу не сочтите мои слова за наглость господин Дойл. Но я вынужден попросить у вас в долг. Я обещаю, что верну все до копейки, а если не смогу, то обязательно отработаю! Вы меня знаете. Я никогда вас не обманывал. Завтра я хочу сделать Нике предложение руки и сердца!

Дойл улыбнулся, явно понимая, что сейчас судьба молодого Питера в его руках, похлопал его по плечу и ответил:

– Нет Питер! И прошу не настаивай. Прояви терпение. Невеста твоя никуда не убежит. Напомни, как мы с тобой договорились?

Питер вздохнул и сказал:

– Извините господин Дойл. Осенью я буду очищать передний дворик от листьев, а зимой от снега. И вы мне за это хорошо заплатите.

– Не извиняйся Питер. Я тоже был молод. Вот, держи, – говорил Дойл протягиваю несколько купюр Питеру. – Это тебе небольшой задаток за твою работу. Купи что-нибудь своей матери. Она хорошая женщина. Ты должен заботиться о ней.

– Я забочусь о ней господин Дойл. Спасибо вам. Вы так добры. Мне пора идти. Завтра я займусь делом. Все листья будут в мешке! – сказал Питер и ушел.

Дойл прошел в конец ювелирного и приоткрыл окно. Глубоко вдохнув, он ощутил душевное тепло и вспомнил свою жену, которая ему часто снится и наполняет воспоминания прежней жизнью, которой больше никогда не будет. И эти всплывающие мгновения иногда дразнили его, а порой отравляли.

Полчаса спустя Дойл вышел на улицу и закрыл большую дверь салона. Затем он оглянулся и печально взглянул на красиво написанное имя «София», над входом в ювелирный. Это имя его жены, которая пару лет назад погибла в автокатастрофе.

Дойл вздохнул и произнес тоскливо:

– Эх… София.

Затем он спустился по гранитным ступенькам и выйдя на алею не поверил своим глазам, заметив лежащего на земле Питера. Быстро подбегая к нему, Дойл оглядывался, пытаясь понять, что здесь произошло.

– Питер! – сказал Дойл и помог Питеру подняться на ноги.

Питер схватился за тяжелую ладонь Дойла и болезненно встал, прикасаясь дрожащей рукой к рассеченной брови. По всей видимости Питера кто-то хорошенько ударил кулаком. Бледное лицо Питера начинало опухать, а глаза его бегали как зверьки, наполняясь тягучим чувством несправедливости.

– Меня ограбили… Они забрали все мои деньги господин Дойл! Какие-то наркоманы… – растерянно произнес Питер и капли крови на его лице перемешались со слезами, залившими глаза.

После того, как Дойл отвёз Питера в больницу, он как подобает приличному гражданину связался с полицией и все рассказал; полицейские достаточно холодно отнеслись к этому делу, и как показалось по словно молящимся оставить их в покое, каменным лицам, – виновных они не собираются искать, уж слишком мелкое происшествие, знаете ли…

Прошло несколько пасмурных суток. Дойл не терял уставшего вида. Настроение у него было гадкое, он думал о том, что произошло с несчастным Питером. Погода за окном навивала крепкое желание поспать – хотелось хорошенько закутаться одеялом и погрузиться в спячку. Казалось, что сегодняшний хмурый вечер будет тянуться вечно.

Ювелирный пустовал и можно было подумать, что все люди попрятались в подвалы, настолько на улице было подозрительно тихо, словно перед бомбежкой. И как только Дойл собрался уходить, в салон вошли двое мужчин, внезапно прервавшие жуткую тишину, в которой кажется, что вот-вот город злобно начнут бомбить нацисты. Эти мужчины одеты со вкусом в кожаные туфли и добротные пиджаки. Дойл не успел разглядеть, во что были одеты эти люди, ведь как только они закрыли за собой дверь, ветер вдруг усилился и электричество в помещении отключилось и, все лампочки погасли… Блеклый свет исходил только от окна, за которым вечер становился все темнее и холоднее…

– Мы закрываемся! Приходите завтра, – сказал Дойл.

Плавные шаги появившихся темных фигур настораживали, словно вот-вот начнется спланированное ограбление, которое закончится как минимум серьезной психологической травмой.

– Здравствуйте! Это вы тот самый Дойл? Владелец? Я Мартин Бирн, а это мой близкий, – спокойно почти шепотом сказал подошедший к кассе Мартин Бирн.

Мартин угрожающе пошевелил мясистыми как у негра губами, явно планируя перейти к запугиванию. И как показалось господину Дойлу, его уже начали запугивать, несмотря на спокойный и даже приветливый тон Мартина. Дойл вдруг почувствовал себя кроликом, которому вот-вот придется бежать от стаи голодных собак; а затем он посмотрел на свое пузо, которое как бы намекало, что ни о каком побеге речи не может быть.

– Да это я. А вы кто такие? Господа, – слегка неуверенно как бы возражая ответил Дойл и наконец лампочки зажглись. Свет вернулся – и это позволило ясно разглядеть лицо Мартина: шрамы, грубая, смуглая кожа, наглые как у цыгана попрошайки прищуренные карие глаза.

Взгляд Дойла постепенно расплывался, словно он по неосторожности совершил тяжкое преступление и сейчас родственники «погибшего» устроят самосуд, со всей справедливостью…

Долго смотреть в глаза старому бандиту Мартину, у которого была тяжелая отдышка, он не мог, взгляд Мартина будто обжигал цыганской наглостью. Мартин словно смотрел прямо в душу Дойла, грезя покарать за грехи, однако грехи самого Мартина намного страшнее и это ясно видно в его глубоко впавших поросячьих глазах, первое впечатление от которых ошибочно.

– Мы из охранного агентства. Мы можем, так сказать, друг другу помочь. Мы можем стать хорошими друзьями! – сказал Мартин, положил потные ладони на стол, и казалось, что он сейчас с некой злобой добавит: «Или врагами».

– Так это насчет Питера? Вы нашли тех, кто его ограбил? – сказал Дойл, не понимая, кто перед ним находится…

Затем его сковало напряжение. Дойл больше не мог смотреть в глаза Мартину, но и опускать голову вниз, как пугливая собака, он тоже не собирался. Пытаясь выкарабкаться из внезапно нахлынувшей тревоги, он перевел взгляд на второго мужчину: и тут Дойл струхнул еще больше, ведь на него будто не человек смотрел, а таращилась жуткая кукла, с пугающими как у мертвой рыбы глазами. Партнёр Мартина, который до жути напугал Дойла, высок ростом, сутул и худощав; на его лысеющем черепе вмятина, которую скрывает жиденький рыжий волос; а его правый глаз немного отъезжает в сторону. Дойл смотрел на этого человека, и ему казалось, что вместо костей и плоти у него тонкие палки, которые обтянуты жёлтой кожей. Этого человека звали Лени Рыжий и он так же, как и Мартин Бирн являлся частью организованной преступности Нового города. Человек из деревни, человек малознающий, сказал бы, глядя на них: «Это сливки современного общества!»

– Поймите господин Дойл. Я, как и вы – деловой человек. У меня разный бизнес. И я вам категорически рекомендую обратиться в охранное агентство. Кстати, я и мой друг, как я уже говорил, владеем таким агентством и можем помочь вам во многом. За кого вы нас держите? Разве мы похожи на гопников или шпану? – говорил Мартин указывая на Лени, который важно поправил пиджак и по-джентельменски засунул руки в карманы. – Вы, наверное, знаете, что пару дней назад, в конце этой улице произошло ограбление, налет. Случай весьма трагичный… А если вот к вам Дойл вломятся наркоманы или кто похуже, что будете делать? Закидаете их золотом? Что касается вашего бизнеса, долго затягивать не советую. Город становится опаснее и таким как вы нужна защита, которую мы можем организовать в отличие от представителей местной администрации.

– Платить я не буду. Мне не нужна такая охрана. Уходите.

– Я ведь пришел сюда с добрыми намерениями, и бояться вам нужно не нас, а тех, кто может вломиться в это прекрасное место и серьезно вас покалечить. Я и мой деловой партнёр уважаем людей вроде вас. Мы не мошенники господин Дойл. Если бы мы хотели вас ограбить, то поверьте, пришли бы сюда не с добрыми намерениями. Нам лишь нужен небольшой процент за наши услуги в сфере охраны. Даю гарантию, что ни одна морда к вам не сунется, потому что будет знать, что трогать вас нельзя. В доме ведь нельзя жить, если там нет крыши? Может залить дождем или засыпать снегом и будет очень холодно… Понимаете?

– Крыша значит… Честно сказать, здесь всегда было спокойно. И в охране никто не нуждался.

– Все бывает когда-нибудь в первый раз, верно? Понимаете, господин Дойл, в нашем городе развелось много голодных мигрантов и людей без принципов. И все они хотят нажиться.

И эти люди, если их так можно назвать, в отличие от нас с моим партнером, менее любезны и уважительны по отношению к вам. Мы, если уж, на то пошло, защищаем свой авторитет и этот прекрасный город, который хотят ограбить туземцы! Как вы и сказали, здесь всегда было спокойно, но времена и люди меняются. Верно?

– Хорошо, я подумаю. А сейчас прошу вас уйти.

Тут в разговор вмешался Лени Рыжий и слова, которые он сейчас произнесет прозвучат весьма убедительно:

– Ты лучше вот о чем подумай, где ты можешь оказаться, если вдруг тебя и твой ювелирный будет некому защитить, просто в больнице или сразу на кладбище?

– Мой друг говорит о тех чужаках, отморозках, которых, к сожалению, в нашем городе становится все больше и больше. Люди страдают. Уже было несколько прецедентов – и некоторые из них закончились очень печально. В любом случае, если не мы, то придут эти самые отморозки, и поверьте, заплатить придется не только деньгами ну и здоровьем. Но пока этого не случилось, у вас есть время воспользоваться нашими услугами и тогда никто к вам не сунется, а если и сунется то вы будете под надежной охраной.

«А чем вы от них отличаетесь?» – хотел сказать Дойл, но промолчал, как бы соглашаясь в расчёте на то, что эти двое скоро уйдут, а затем приедет полиция и совсем разберётся.

– Хорошо, – ответил Дойл и достал из кассы деньги.

– Не сейчас… Каждую неделю мой человек будет заходить и получать определенную сумму, которая вас не разорит. Мой человек приедет завтра и все объяснит! – сказал Мартин.

В Новом городе орудовали шайки мигрантов, которые занимались грабежом и разбоем; и своими действиями они наносили экономический ущерб для мафии Нового города. Вдобавок к этому мигранты-грабители привлекали ненужное внимание к подпольным заведениям мафии. Ведь после того, как на заведение будет совершенно разбойное нападение, туда обязательно ринутся стражи порядка и начнут задавать вопросы и проводить осмотр, который как мы понимаем не в интересах мафии. Мафия, теряя деньги, открыла сезон охоты на вредителей. В основном грабежом занимались доведенные до отчаяния мигранты, которые словно паразиты грызли мелкий и средний бизнес Нового города, доставляя кучу проблем для организованной преступности. И чтобы решить эту проблему, мафия вместе с коррумпированной частью полиции планировали взять под свою защиту все заведения, которые находились по соседству с мясными лавками, кондитерскими, ресторанами, принадлежащими мафии. Члены организации увидели перспективу в подобной тактике, где в принципе защищён весь бизнес города, на который в теории могут положить глаз мигранты-паразиты. Так их будет проще заловить и сурово наказать. Шайка мигрантов действовала непредсказуемо, не обращая внимания на то, кому принадлежит заведение, которое они собирались обнести – это их главная ошибка. Впрочем, жизнь, которая их ждала вдали от дома, разрушенного войной, различий особо не имела, разве только здесь не свистят снаряды и пули над головой. Но что касается свиста пуль – это еще впереди.

Глава 2: Поступай как хочешь, все равно потом

будешь жалеть.

На следующий день, прежде чем пойти в полицию, Дойл приехал к Джозефу Басти, у которого в прошлом были серьезные проблемы с законом. Когда-то давно, ещё в детстве, Джозеф спас Дойлу жизнь: был самый обычный летний денёк, Джозеф прикатил на своем велосипеде на озеро, дабы покурить стыренную у папы парочку сигарет; и вот когда маленький Джо уже закурил, он услышал, как кто-то дико кричит, а затем он увидел тонущего в воде маленького Дойла; недолго думая, Джозеф бросился в воду и сам чуть не утонул, но сил ему хватило; и он вытащил из воды будущего приятеля, с которым дерзко докурил папины сигареты.

После того как Джозеф отсидел в тюрьме, он открыл небольшой магазин-ломбард, в котором Джозеф собрал все что мог раздобыть в то время… В этом магазине-ломбарде можно было увидеть вазы для цветов, глиняную посуду, сувенирные изделия и другой хлам на абсолютно разный вкус. Со временем на витринах Джозефа начали появляться действительно интересные вещицы, одной из которых стал самый настоящий самурайский меч, который принесла загадочного вида старушка-путешественница. В тот момент Джозеф даже подключил эксперта в подобных вещах, дабы удостовериться что меч действительно настоящий. Недолго рассматривая рукоятку, на которой было написано имя мастера, который изготовил этот меч – эксперт подтвердил подлинность и ценность данного экземпляра. Надо признать Джозеф действительно хорошо заплатил старушке-путешественнице за этот меч, который и по сей день украшает его магазин-ломбард. Конечно нельзя сказать, что Джозеф мог нажить серьезный капитал в этом деле; львиной доли его заработка с магазина-ломбарда хватала на самое обычное существование… Но существование подобно червяку Джозефа мало привлекало, поэтому на безбедную старость Джозеф зарабатывал торговлей оружием и боеприпасами с местной военной базы, где у него есть толковый знакомый, который занимается транспортировкой списанного оружия. Джозеф продавал оружие только тем, кого знал лично и в ком был уверен – сделка осуществлялась прямо в его магазине-ломбарде, который служил скрытой витриной для другого, более прибыльного и криминального бизнеса.

На давно небритом лице Джозефа появилась приятная улыбка, когда он увидел автомобиль Дойла, который подъехал к его магазину-ломбарду.

– Ничего удивительного! Это все из-за мигрантов, – говорил Джозеф, глядя на присевшего на стул растерянного на вид Дойла. – Мафия пытается разобраться с налетчиками, которые грабят их точки. Поэтому они собираются поставить своих людей всюду, куда могут сунуться мигранты-грабители. Так вопрос решится быстрее, нежели они будут защищать только свой бизнес. А то, что тебя хотят принудить платить процент – это не самое страшное. И мигранты на самом деле тоже. Мигранты – это кучку неорганизованных скользких жаб, которых вот-вот отправят на дно океана. Для местной мафии это не большая проблема. Беда случится тогда, когда сволочи из Каменного Города доберутся до нашего городка. Если Ларри с его людьми сгинут, то с тобой действительно никто любезничать больше не будет.

– Кто этот Ларри?

– Это криминальный босс Нового города. Что касается местных бандитов, они, конечно, не подарок, но принципы и законы внутри их организации все же есть. Поэтому с тобой вежливо обошлись. Всяким беспределом они не занимаются. Но если решишь посадить кого-то из них в тюрягу, то тогда скорее всего ты «случайно» споткнёшься и упадешь головой на бетон, ну или где-нибудь в баре тебя пырнут ножом, чтобы продемонстрировать другим бизнесменам, что с ними будет если вдруг, они заинтересуются твоим дерзким выпадом и тоже побегут жаловаться властям. Как там говорится… Нет человека – нет проблемы! Поэтому если не хочешь стать проблемой для этих парней, идти в полицию не рекомендую.

– Я не хожу в бары Джозеф.

– Неважно… Они хорошо организованы, а что касается полиции, не знаю, насколько там способны тебе помочь, многие из них куплены и работают на побегушках у мафии. После того как вежливый офицер примет твою жалобу, он тут же позвонит своим друзьям из мафии и оповестит их. Они сделают все, что им скажут, понимаешь?

– Значит, меня не хотят разорить? Дело только в мигрантах?

– Тяжело сказать. Мафия способна и на это. Они могут придумать, так сказать, законный способ, чтобы юридически отжать твой ювелирный салон и не пачкать руки. В основном люди, точнее дегенераты-игроки проигрывают имущество в казино, но я уверен и для такого как ты, если понадобится, мафия что-нибудь придумает.

– Они защищают свой подпольный бизнес?

– Я думаю, в первую очередь они защищают свою территорию от мигрантов, которые начинают наводнять улицы и сбиваться в маленькие криминальные кучки. А затем эти кучки переходят красную линию, и наживаются на владельцах мясных лавок, табачных и так далее. Это значит, что деньги текут мимо кармана мафии. Не говоря уже про ущерб, который наносят подобные действия для репутации. Если люди, которые платят проценты за защиту увидят, что мафия не способна их защитить, то никаких денег они больше не дадут. И это как ты понимаешь неприемлемо для Ларри. Мафия наводит свой порядок в городе, и охотится на тех, кто пытается стрясти процент даже с мелкой рыбной лавчонки, владелец которой должен платить в правильный карман. После того как ты начнешь платить мафии процент за «крышу», они действительно будут тебя защищать, в основном от своих конкурентов и всякого рода вредителей.

Дойл тяжело вздохнул, осмотрел помещение, в котором находился и сказал:

– К тебе они тоже приходили?

– Здесь нет золота и серебра друг. Это место я открыл для души – точно не для денег. Ну если кто-то из моих приятелей, из тех, кого я лично знаю, хочет купить себе серьезную вещь, я говорю про оружие, то я готов помочь такому человеку. Вот чем я зарабатываю на жизнь Дойл… А если сюда сунутся мигранты, то будь уверен, им не поздоровится.

– Мне нужен пистолет. Так мне будет спокойней.

– Спорить не собираюсь. Хочешь оружие? Пойдем за мной, – сказал Джозеф и направился в соседнюю комнату, которая служила кабинетом и своего рода скрытой витриной.

Достав из-под стола чемоданчик, Джозеф открыл его и показал Дойлу пистолеты разного калибра:

– Это кольт девятнадцать-одиннадцать! Моя любимая модель, его приятно держать в руке. Пистолет весьма знаменитый, рассчитан на семь выстрелов, продырявит кого угодно, будь уверен. Патроны имеются. Хочешь посмотреть другие? Есть огромный револьвер, с такой отдачей, словно тебя пинает лошадь! А ещё у меня есть Пустынный Орел, стреляет так же мощно, как и я под «Виагрой». Хе-хе. Но конечно – это больше для понтов и стрельбища. Для самообороны я бы взял кольт.

– Думаю, кольт вполне себе ничего… – сказал Дойл и взял протянутый ему пистолет сухой ладонью. – Холодный такой. Действительно, приятно держать. Вот деньги. Держи.

– Кольт ничего! Вот тебе коробка и две обоймы, в каждой по семь патронов калибра сорок пять АСП. Внутри коробочки есть инструкция. Если что-то непонятно, то приходи, я всегда рад тебе. Будь осторожен. Пойдем выпьем чаю на дорожку. Ну а как в целом? Как твоя дочь?

– Неплохо. Мария сейчас у тети, слава Богу. Хорошо, что ее не было в салоне, когда пришли эти двое.

Джозеф и Дойл вернулись обратно в главную комнату, в углу которой стоял небольшой столик с чайником, заваркой и печеньем.

– О чем думаешь? – спросил Джозеф и слегка покашлял в кулачок.

– Думаю о том, – говорил Дойл, кладя коробку на стол, – почему все так не справедливо? Знаю, что сказал сейчас глупость, но все же… Я годами спокойно жил и никого не трогал. Почему надо приходить ко мне? Вокруг столько работы, где можно честно ничем не рискуя заработать деньги, но нет – надо искать проблемы и портить людям жизнь…

– Это и есть их работа! И скажу, как человек знакомый с подобными людьми, они получают с этого удовольствие, как наркоманы, или как те придурки, которые без страховки лазают по скалам ради адреналина… – посмеиваясь, сказал Джозеф.

– Но это не справедливо! Так с людьми нельзя поступать… Может все-таки пойти в полицию? Пусть сделают свою работу, черт побери! Не может же быть такого, что все там куплены… С одной стороны, на мне хочет нажиться мафия, а с другой где-то там, я не знаю, есть какие-то отморозки, которые в любой момент могут влететь в мой салон и напасть на меня или мою дочь, а об этом я даже думать не хочу! Однозначно с пистолетом мне будет спокойнее.

– Справедливость… Меня посадили в тюрягу за то, что я просто увидел, как ограбили, а потом убили одну несчастную женщину, а после выяснилось, что перед этим они ее изнасиловали. Я был пьян и не смог помочь ей вовремя. Тогда я пришел в полицию и все рассказал, в надежде, что они со всем разберутся. Ну а после через несколько недель всю вину свалили на меня, якобы это я ее убил и изнасиловал. Тогда мне пришлось искать правозащитника, никто не соглашался, у меня не было достаточно денег. А полиции в это время видимо просто было лень искать настоящих убийц… да не важно – процесс уже был запущен. После того, как я вышел из тюрьмы, спустя десять лет, я сам их нашел, этих двух ублюдков. И сейчас тоже скажу глупость – убил их! И когда я забивал их битой, я не переживал что снова окажусь в тюрьме, мне уже было все равно на себя. Как видишь, после того что я сделал, я до сих пор на свободе. (У Джозефа наворачивались слезы). И как же все быстро может перевернуться брат… За один чертов день! И после того, как это случится, и не важно, сделал ты это намерено или случайно, весь мир встаёт против тебя, но сначала бесцеремонно отнимает у тебя сон. Ты не спишь ночами, твои глаза сжимает дичайший стресс, ты жалеешь себя и все думаешь, что же будет со мною дальше?

– Ты поступил справедливо. Мне бы на такое, духу не хватило.

– Может быть… Но, когда я пришел к ним, думал я не об убитой ими женщине, а о своих потерянных в тюрьме годах. Получается такая справедливость наоборот… я отсидел в тюрьме за то, что сделаю в будущем, как бы наперед, понял. Знаешь, что важнее всего в тюрьме? Я говорю про маленькую, но важную вещь.

– Нет. Может книги?

– Какие уж тут книги. Важнее всего друг мой, тапочки для душа. В тюремных душевых происходят ужасные вещи, Дойл. Поэтому тапочки важнее всего. Запомни, может когда-нибудь пригодится. Ведь всё-таки теперь у тебя есть ствол – эта вещь может отнять не только чужую жизнь… – сказал Джозеф, посмотрел на коробку, в которой лежит пистолет и добавил. – Сейчас ты делаешь выбор Дойл. Полиция или вот эта коробочка?

Дойл поднялся, накинул пальто и выдохнув сказал:

– Жаль Джозеф, что, когда с тобой все это случилось, я был далеко за границей и праздновал открытие ювелирного со шлюхами и вином… Я обязан был тебя спасти, как ты меня спас в детстве. Мне пора! Коробку возьму с собой. Это мой выбор.

Джозеф остановил его, подошёл вплотную, да так что Дойл почувствовал его горячее дыхание, и сказал:

– Я еще не умер друг. Прежде чем идти на дело, сначала потренируйся на стрельбище. Я бы на твоём месте решил проблему по-другому. Обо всём можно договориться! Ты хорошо зарабатываешь, и точно не обеднеешь, если будешь им платить. Запомни: в мафии речь всегда только про деньги. Не горячись, сядь и спокойно подумай, что из этого получится, если решишь напасть на члена организации. Подумай прежде всего о дочке… Будет нехорошо если

она останется одна, как остался мой маленький сын, когда меня увезли в тюрьму… До сих пор не знаю где он, и жив ли вообще? А насчёт меня, извини, не могу вписаться. Я завязал с этим. Теперь только игрушки Дойл, только игрушки…

– Все хорошо, Джозеф. Да и духу мне не хватит, чтобы учудить такое. Это больше для самозащиты. Буду платить, что поделаешь…

– Джо! – раздались голоса за дверью.

– Видимо настало время поработать… Этот магазин для меня как убежище брат! Он спасает меня от дурных мыслей и успокаивает мою душу, – сказал Джозеф и проводил Дойла до выхода, где уже выстроилась очередь из желающих приобрести что-нибудь необычное в магазине-ломбарде Джозефа.

(Безупречность)

Одна рабочая неделя плавно перетекла в другую. Дойл стоял у окна ювелирного и точно ждал «гостей». Сейчас он больше был похож не на ювелира, а на фермера, который стерег курятник от валков и лис. За свою достаточно спокойную жизнь инстинкт самосохранения у Дойла явно притупился, но после недавнего разговора с Джозефом, Дойл стал оборачиваться во время прогулок намного чаще. Ему казалось, что его преследуют. Сейчас его настораживал каждый проезжающий рядом с салоном автомобиль, словно вот-вот будет попытка ограбления. И вдруг Дойл увидел спокойно идущего по сырой улице парня.

«Кожаная куртка, гнусная рожа – это точно бандит!» – заключил Дойл и насторожился.

Дойл подбежал к стоящей за кассой дочке и попросил ее принести его записную книжку, которая лежала на столе в подсобке; он наивно рассчитывал, что за это время человек Мартина уже уйдёт и не заметит Марию.

Вернувшаяся на работу Мария была до ужаса удивлена внешним видом отца; он выглядел уставшим и потерянным, словно после болезни. К тому же Марии показалось очень подозрительным утреннее поведение отца, который как-то странно намекал, что Мария может отдохнуть еще несколько дней, но Мария твердо настояла на своем желании заняться делом; она буквально рвалась на работу. Ей страшно нравилось смотреть как склонные к романтике люди выбирают украшения для своих любимых. А затем с горящими от влюбленности глазами несутся к тем людям, мысль о которых разгоняет в них пожар, поведение которого так предательски непредсказуемо… И этот огонь внутри по-настоящему опасен, он может смениться смертельной скукой, а может и сжечь вовсе. Его можно сравнить со зверем, который охотится на легко вдохновляемых людей, способных творить.

Как только Мария скрылась за дверью, Дойл проверил на месте ли оружие: он потянулся во внутренний карман длинного пиджака и нащупал купленный у Джозефа кольт, к которому хотелось притрагиваться все чаще и чаще, словно это не пистолет, а обжигающая лампочка, а Дойл словно жаждущий прикоснуться к ней мотылек.

– Добрый день. Я от Мартина, – сказал вошедший в ювелирный Эндрю Киль и хмуро протянул руку. – Что у вас для меня? Две сотни, верно?

Дойл отдал деньги и воинственные мысли о том, чтобы достать оружие тут же исчезли, словно их и не было вовсе. В первую очередь, что подумает Мария, когда увидит отца с ору-

жием в руках? «Попробуй потом ей объясни, что этот человек вовсе не мирный гражданин, а гнусный бандит и вымогатель, которого я пытаюсь прогнать из нашей жизни..» – подумал Дойл.

– Ещё что-то? – торопливо сказал Дойл и строго посмотрел на Эндрю, явно для того, чтобы тот побыстрее убрался. Но при всей серьезности Дойла, в его глазах не было той жуткой искры, которая появляется во взгляде человека, когда он впервые совершает убийство. А вот в глазах Эндрю при всей его молодости – это искра присутствовала.

– Если вдруг вас кто-то потревожит, сразу звоните мне, я решу вопрос. Вы теперь под нашей защитой, – говорил Эндрю и заинтересовано смотрел на идущую к кассе Марию, которая только вышла из подсобки держа в руке записную книжку отца. – Мое почтение… Здравствуйте.

– Добрый день, – любезно ответила Мария. – Вот книжка отец! – добавила она и встретилась с Эндрю глазами.

Затем Мария кому-то позвонила и бурно начала разговор о намечающейся вечеринке.

Вид у Эндрю переменился, словно у внезапно влюбившегося в незнакомку кавалера, которому хочется смотреть на ее манящее лицо часами… И казалось только ростом Эндрю не вышел. Ведь Мария рослая, породистая девушка, карие глазки которой, словно приятно отравляют любовью; и когда ее светлые брови слегка приподнимаются хочется сойти с ума и погрузиться полностью в это внезапно нахлынувшее безумие, которое будоражит все внутри и не позволяет вернуться обратно в спокойную, размеренную жизнь…

– Я понял. А теперь идите, – сказал Дойл и со значением посмотрел на Эндрю, который не отводил наполненного любопытством взгляда от Марии.

– Вот мой номер, господин Дойл! – добавил Эндрю, протянул визитку, еще раз нагло взглянул на Марию, точно для того, чтобы хорошо запомнить ее. И довольно нахмурив брови, он направился к выходу.

Через 30 минут пришел Питер, чтобы подмести осыпавшуюся листву во внешнем дворике ювелирного. После того, как Мария вернулась от тети Сильвии, Дойл не сводил с нее глаз, у него разыгрывалась паранойя, и мысль что вот-вот кто-то решит напасть на его дочку и ограбить, не покидала его. Он вышел на крыльцо и с грустью посмотрел на голые ветви деревьев и увидел Питера, который собирал листья под деревом.

– Ты сильный человек Питер. Ты молодец, – говорил Дойл. – Но сегодня не обязательно работать, ты должен отдохнуть, ты до сих пор хромаешь, а с кольцом так уж и быть мы что-нибудь придумаем. Иди домой.

Питер собирал листья в кучу:

– Я не хочу домой, господин Дойл.

Дойл слегка насторожился, ведь с каждым днём Питер выглядел все хуже, а сегодня в особенности; он заметно похудел.

– Их обязательно найдут Питер. Не переживай.

– Тех, кто на меня напал, – с волнением говорил Питер, – поймали. Час назад я был в полиции, меня попросили приехать, чтобы я опознал преступников.

– Ну и отлично! А чего ты тогда такой грустный?

Испытываемый Питером стресс напрочь решил уверенности его и без того нервный голос. Он продолжал аккуратно сметать листья в кучу и отвечал уклончиво:

– Мне нужны мешки господин Дойл. Нужно собрать листья. У меня теперь много работы.

– Черт с этими листьями. Что случилось? Отвечай!

Питер выронил метлу из рук и наконец, сказал:

– Ника мне сказала, что со мной ей скучно – у меня нет денег на дорогие рестораны и наркотики. Мы с Никой расстались. Она связалась с плохой кампанией, понимаете? Ника начала принимать какую-то дрянь и в последний раз ее видели в каком-то притоне. Она ни с

кем не разговаривает, и ее родители страшно страдают. Не знаю, как так все быстро перевернулось. Она словно с ума сошла. Я ничего не могу сделать господин Дойл.

– Какой ужас. Пойдем, зайдем внутрь. Мария нальет тебе кофе, – сказал Дойл и повел Питера в ювелирный. – Как ее так угораздило? Я ведь знаю её родителей – приличные люди!

В Марии все больше нарастало любопытство. Замечая синяки Питера, она не удержалась и сказала:

– Питер что с тобой?

Дойл резко вставил, не давая Питеру ответить:

– Подрался. У мальчиков так бывает, Мария. Не донимай его, лучше налей ему кофе. Пусть согреется.

– Хорошо, – ответила Мария и удалилась.

– Как твоя мать? – сказал Дойл, а затем снова подошел к окну, явно по привычке.

– Неплохо, – говорил Питер, заглядывая в комнатку, где Мария готовила кофе. – Она часто спрашивает о вас.

Дойл приятно удивился, но свое удивление не выдал, и тут же у него появилось желание отправить Луизиане букет цветов и сладостей из местной кондитерской. Питер выпил кофе, а затем ушел.

– С тобой все хорошо? Кто этот человек, который приходил недавно? – сказала Мария и взглянула на стоящего у окна Дойла.

Дойл с весьма задумчивым видом смотрел на Питера, силуэт которого постепенно растворялся на длинной улице.

– Все хорошо Мария, – говорил Дойл, подходя к дочке. – Этот парень из охранного агентства. На соседней улице ограбили табачную лавку. У меня дурное предчувствие, поэтому решил, что охрана не помешает.

– Ты звонил в полицию?

– Да. Они совсем разберутся. Не переживай, – сказал Дойл и шагнул к Марии. – Прекрасно выглядишь! Жаль, что твоя мать не видит, какая ты выросла красотка. Встретишь настоящего принца! И у меня будет много внуков! – добавил он и подбадривающе похлопал дочку по плечу.

– Я часто думаю о ней… Рада вернуться; и рада снова слышать твои комплементы отец. А насчёт принца, даже не знаю… вокруг одни чудаки.

В ювелирный вошла пожилая дама, и судя по ее виду, она явно любила разного рода украшения. Мария увидев ее, тут же вернулась за кассу.

– Вам чем-нибудь помочь? – сказала Мария и улыбнулась.

– Хмм… Да, красотка, помощь не помешает. Иди бегом сюда, – с улыбкой промолвила пожилая дама и нежно взяла Марию за руку. – Мне нужно вот такое кольцо? – добавила старушка и показала потертую фотографию, где она была молода и красотой своей не уступала Марии.

Иногда Дойл выходил на улицу, немного стоял на крыльце, а затем медленно шагая возвращался в ювелирный и делал своего рода обход, и вдруг на одной из витрин он заметил золотые серьги-гвоздики «Безупречность», примерно такие же носила его жена; чувства, пробудившиеся в нем в эту минуту, успокоили его, и вновь вместе с холодным вечером на него нахлынули эйфорические воспоминания, о той жизни, где была сладкая любовь и желание жить; и как бы ему не хотелось, но эти воспоминания, ближе к глубокой ночи сменит отправляющая душу скука.

– Скоро закрываемся отец, можно мне уйти пораньше. Хотела увидеться с подругами, – сказала Мария и точно как маленькая девочка, которая выпрашивает сладость посмотрела на отца и медленно, словно вот-вот Дойл даст разрешение, шагнула к своим вещам.

– Ладно… но это в последний раз!

– Спасибо! – добавила Мария и одевая куртку, выбежала из ювелирного как подожжённая, точно она куда-то опаздывала, вызывая подозрение у отца.

Дойл вдруг вновь почувствовал беспокойство, и решил подойти к витрине, где красовались серьги-гвоздики, но на этот раз их там не было… Серьги-гвоздики словно испарились и на этой витрине в углу ювелирного их как будто никогда и не было. Дойл выскочил вслед за дочкой, фигура которой постепенно отдалялась. Он не мог поверить, что его дочь способна на воровство.

– Мария подожди!

Мария обернулась и остановилась, сжав кулачок, в котором что-то было…

– Что случилось?

– Да просто хочу сказать, будь осторожна! – искренне произнес Дойл и увидел в глазах Марии страх, который она обычно испытывала, когда, будучи маленькой девочкой творила всякие шалости и нарочно не слушала отца, выказывая неповиновение.

Дойл оглядел ее с ног до головы и заметил, что рука Марии задрожала, словно перед ним сейчас стояла не взрослая девушка, а все та же девчонка, которая против воли родителей таскала с кухни конфеты и продолжала портить свои зубы. А когда ее ловили, ее руки, в которых были горстки фантиков, дрожали; а глазки от волнения игриво бегали и заполнялись ожиданием того, как мама с папой будут недовольно бурчать и грозить лишить ее подарка на день рождения.

– Что у тебя в руке?

– Ничего!

– Мария!

У Марии накатились слезы, она опустила виноватые глаза, подошла к отцу вплотную и обняла его:

– Я должна денег одному человеку… Умоляю! Ради Бога, прости меня.

Дойл достаточно грубо забрал из рук Марии золотые серьги, которые она украла с витрины:

– Кому и что ты должна? Говори Мария!

– Неделю назад мы с подругой были в клубе. К нам привязался парень. Мы купили у него экстази. А потом через какое-то время, когда мы уже собирались уходить, мы нечаянно разлили вино на сумку этого парня. Он и его дружки обвинили нас в том, что мы испортили их товар, то есть наркотики которые находились в этой сумке. Нам угрожали отец. Я их страшно боюсь! Они сказали мне, что если через десять дней я не отдам долг, они убьют меня.

Дойл был потрясен от услышанного, а ведь до этого момента ему казалось, что его дочь всегда на виду и он знает про нее абсолютно все.

– Господи! Во что ты вязалась… Дочь! – сказал Дойл ощущая невиданный ранее страх.

– Прости меня, отец! Я попробовала только одну, – сказала Мария и расплакалась.

– Экстази значит… С кем ты там была? С какой подружкой?

– С Эллисой.

– Я сейчас же сообщу ее родителям!

Глава 3: деньги не пахнут.

Прошло несколько бессонных ночей. Дойл поговорил с Марией; он пытался узнать, у кого именно она купили наркотики. Марии было стыдно перед отцом, и она рассказала все что знает и поклялась, что больше никогда не решится на подобное. Как и обещал, Дойл рассказал отцу Эллисы про экзтази и ее недавний поход в клуб.

Уже третью ночь Дойла терзают мысли о том, что с Марией могло случиться непоправимое. Улицы заполнились героином и страхом… Каждый человек, имеющий прибыльное дело попадал под давление криминальной организации, в которую входили Мартин, Лени, ну и конечно Ларри – собственно он босс. В городе стало заметно опаснее, и казалось, что люди, имеющие законную власть, просто жадно делят награбленное, а ведь они обязаны выполнить свою работу и наказать тех, кто занимается беззаконием и травит людей, но видимо они считают иначе. Мелкие чиновники откровенно подыгрывали бандитам, и были совсем не против наживаться заодно с ними. Чиновники будто сорвались с цепи, которая их удерживала от более крупных краж. Однако в полиции ещё оставались честные люди, которые по крайней мере старались вернуть прежний порядок, но новые договоренности между боссом мафии Ларри и продажной верхушкой местной полиции устраивали большинство.

Дойл посмотрел на часы, явно что-то планируя. Немного погодя, он вышел на улицу. Падал первый снег, заметно похолодало. И свет фонарных столбов освещал спокойную улицу. На балконы домов выходили дети, и по их глазам сдавалось, что они видят сказку и чудеса, и хотят стоять на свежем воздухе часами, несмотря на холод и родителей. Дойл посмотрел на соседских детей, и невинные глаза детишек словно подстегнули его на решительные действия, от результата которых, будут зависеть их дальнейшие судьбы. Он завел автомобиль и поехал на «дело».

Дойл двигался по заснеженным, ночным улицам и настраивался совершить тяжкое преступление – первое в своей жизни. Падающий крупными хлопьями снег, успокаивал и приятно бодрил его тревожную душу.

Через пару километров Дойл остановился, вышел из автомобиля и будто бы ничего не замышляя, пошел по людной, хорошо освещенной улице. На этой улице были слышны громкие голоса счастливых семей; эта улица словно с каждой секундой все больше заполнялась радостью беззаботных людей, которые смеялись и танцевали. Все вокруг веселились, и Дойлу было весело от вида танцующей толпы, но теперь, когда он направляется в темный переулок, где возможно он совершит убийство, его заполнила тоска и яркое ощущение, что рядом с этими счастливыми людьми он чужой – он больше не такой как они.

«Я должен во всем разобраться. Я обязан защитить дочь!» – подумал Дойл и встретил идущих на встречу прохожих взаимной улыбкой.

В плохо освещенном закоулке, в начале Старой-улицы, куда, собственно, направлялся Дойл, стоял человек по кличке «Мертвый». По слухам у него можно купить разного качества наркотики, которые распространялись повсюду; у Мертвого есть подруги, подростки в школе, которых он сначала «подсадил» на наркотики, а затем чисто на своих инстинктах увидел возможность для эксплуатации. Мертвым его прозвали непросто так, он действительно походил на труп, особенно цветом своей будто бы отмирающей желто-розовой кожи. Мертвый и его подручные часто продают наркотики в местных клубах. Мария и ее подруга не первые и не последние жертвы, которые хотели лишь слегка развлечься. Мария и ее подруга чуть не угодили в лапы наркобарыг, которые сначала сделали бы из них зависимых наркоманок, которые начали бы таскать из дома вещи, чтобы получить дозу; а затем девушки перешли бы в другие лапы – в лапы сутенеров. Конечно, Марию пока что нельзя назвать «жертвой», ведь подсадить на героин ее не получилось, а это обязательно случилось бы с ней, если бы она более ловко украла серьги из ювелирного, и ее отец ничего не заметил бы и позволил ей уйти в тот день.

Выдыхая, Дойл подошёл к нему:

– У меня тут дело к тебе есть. Я слышал, ты тут продаешь всякое?

Мертвый посмотрел на кожаные туфли Дойла и на его добротное пальто, после чего сказал:

– Чё надо?

– Я первый раз. Хочу развлечься.

Мертвый понимающе улыбнулся и продолжил:

– Первый раз… В первый раз я шырнулся такой иглой, что чуть не вскрыл вену. Ну ладно папаша, вижу с юмором у тебя проблемы. В общем четыре сотки и будет тебе первый, а там и второй и третий раз!

Дойл достал деньги и Мертвый точно, как профессиональный карманник выхватил купюры у него из рук и дергаясь точно на танцевальной площадке отошел к соседней стене обветшалого, многоэтажного дома. Карманы Мертвого были забиты деньгами.

– Под этой трубой тебя ждёт «первый раз», тот, что будет в пакетике, а сверток не трогай, это не для тебя! Пока не для тебя, – добавил Мертвый и в его еле видных темных глазах, словно мерзостью мелькнул демон, который грезит вырваться наружу из прогнившей оболочки.

Дойл отпихнул ногой ржавую трубу и увидел пакетик с таблетками, спрятанный под белой тканью. Дойл убрал туфлей ткань, под которой был еще и сверток с героином. От прикосновения обувью, белая тряпочка запачкалась, а все содержимое свертка высыпалось на мокрый асфальт. Мертвый заметил, как Дойл что-то мнет ногой. Смачно плюнув на асфальт, он спеша подошел к Дойлу, глаза которого постепенно наполнялись гневом. А повод, для того чтобы разгневаться, действительно был… Ведь события могут развернуться самым непредсказуемым образом, после того как Мария отведала экстази в клубе, можно сказать попробовала свежую кровь на вкус. Экстази – на первый взгляд безобидный наркотик, который так полюбился подросткам; а если есть спрос, то предложение от какой-нибудь «новой подружки» всегда найдется. На этот счёт у Дойла была только одна, но чрезвычайно волнительная мысль, в которой его единственный член семьи, самое дорогое, что есть в его ювелирном, его дочь Мария представляется героиновой наркоманкой, не имеющей ни семьи, ни той счастливой жизни, которой желает ей отец. И кого винить, если подобное горе бесцеремонно постучит в твой дом? Мертвого, который стоит позади Дойла и считает деньги? Может действительно его?

– Это делается не так! Тебе инструкция нужна, дебил? Что ты сделал с моим хмурым? Заплати за это и вколи себе в мозг, может будешь умнее и перестанешь портить мой товар, папаша! Или тебе объяснить, кто ты, и кто я? – истерично выпучив глаза сказал Мертвый и угрожающе встал перед Дойлом, словно сейчас начнется боксерский поединок.

После услышанного Дойл оскалился как бешеный зверь и тяжёлой рукой приложился по лицу Мертвого: сначала на грязный асфальт упали два окровавленных зуба, а после тяжело свалился и сам Мертвый. Дойл избивал его ногами; и с каждым ударом он ощущал насколько Мертвый худой, настолько тощий, что от очередного крайне болезненного удара, его ребра трескались и болезненно смещались. Избиение происходило в течение 10 секунд, однако Дойл настолько сильно устал, словно за это время он разгрузил вагон кирпичей.

– Ну, посмотри на себя теперь! Попробуешь продать еще хоть что-то, тебе конец! – сказал Дойл и ушел, оставив лежащего в крови Мертвого, который из последних сил пытался ухватиться за воздух.

Прохожий парнишка мерзкого вида бросил окурок и нагло посмотрел на выходившего из переулка Дойла, которого переполнял адреналин. Дойл, пытаясь отдышаться, оглядываясь, вернулся обратно к своему автомобилю.

Дойл вернулся домой и уснул только под самое утро. Спустя три часа, он проснулся и вспомнил, как избил Мертвого прошлой ночью, которой словно не было, словно это был всего лишь неприятный сон, отнявший столько сил.

«Наверное, я его убил… Ну, как минимум он останется калекой…» – подумал Дойл и ему резко захотелось разузнать о судьбе Мертвого, но беспокоился Дойл не о его здоровье. На самом деле Дойл, прежде всего, тревожился о том, посадят ли его в тюрьму после нападения на Мертвого. Волновало одно: когда представители закона постучат в дверь?

Дойл спеша съел жареные яйца и сосиски. Затем он поцеловал Марию в щеку, поблагодарил за завтрак и направился к выходу.

– Спасибо милая! Очень вкусно.

– Куда ты собрался? Сегодня выходной, – сказала Мария отцу, который спеша надевал обувь.

– Заскочу в мясную лавку, приготовим стейки вечером.

После того как Дойл вышел, Мария подошла к холодильнику и открыв его увидела, что мясо у них полно…

Через 20 минут Дойл подъехал к магазину-ломбарду. Выпавший прошлой ночью снег, почти растаял. Но солнце, как и в прошлые дни видимо не собирается показываться; его лучи лишь иногда мелькают и тускло освещают кусочки загадочной улицы, на которой часто собирались пацаны, чтобы выпросить у дяди Джозефа несколько монет.

Дойл вошел в магазин-ломбард любезно пропустив мужчину и женщину с детьми, которые только что вышли на улицу, с какой-то коробкой в руках. По всей видимости в коробке находилась какая-то интересная вещица, купленная у Джозефа.

– Здравствуй Джозеф. Ты занят?

– Нет, не занят. Только что отпустил хороших клиентов, не жалеющих денег на хорошие вещи. Но сегодня больше никто не придет. Пойдем выпьем чаю. Так в последнее время и дудоню – чайник за чайником. Ну, что слышно? Как твои дела? Решил проблему? – сказал Джозеф и был рад видеть давнего друга и не мог дождаться, что сейчас расскажет Дойл, ведь судя по его виду, он явно что-то учудил.

Дойл и Джозеф сели за стол.

– Да я не знаю в чем проблема, где, так сказать, начать резать? – говорил Дойл. – Моя дочь во что-то влипла, связалась с какими-то подругами, которые предложили ей наркотики, ну как по крайней мере она мне сказала… Я все понимаю, я тоже был подростком: первый секс, первый наркотик, первая вечеринка. Но эта моя дочь, понимаешь? Вчера я сел в машину и нашел того, кто продает эту дрань детям…

Джозеф сделал несколько глотков чая, затем заинтересовано посмотрел на Дойла и подумал: «Ну! Говори же!»

– Я избил наркобарыгу, может даже насмерть.

Джозеф выдохнул и потянулся за пряником.

– Ну ты дал! Глядишь и порядок так наведешь! Только боюсь от твоих кулаков живого места не останется… Наркобарыг в нашем городе пруд пруди! Но я рад, что ты жив, – улыбаясь, сказал Джозеф, точно видом своим он сейчас походил на того, кто сделал крупную ставку и выиграл.

– Хорошо, что оставил пистолет дома. Меня в такую злость кинуло, что я был готов вцепиться зубами в его шейку. Назвал меня «папашей». Представляешь?

– Думаю, тебя начнут искать. Пистолет все же надо было взять… Если делаешь, то делай до конца и не оставляй свидетелей. Если ты его убил, то это хорошо, и он больше не сможет открыть рот и показать на тебя пальцем. В следующий раз, когда задумаешь что-нибудь подобное, лучше приезжай ко мне, вместе подумаем и обсудим этот вопрос. А такими спонтанными действиями только погубишь себя и свою дочь. Был у меня когда-то давно знакомый по имени Пепе… Так вот этот Пепе был полным отморозком. Как-то раз он решился ограбить банк. Когда мы сидели в тюрьме, его подельник поделился их планом на ограбление: никаких жертв, холодный расчет, действия строго по плану, рассказывал он. Все как обычно… Настал день ограбления. Как только Пепе вошёл в банк, он не справился с эмоциями и спустя минуту начал всех валить. После чего оказался в тюрьме, где повесился через месяц. Ты вроде не пацан уже. А с эмоциями справиться не можешь.

– Это очень тяжело сделать Джозеф, справиться с эмоциями, когда речь заходит о семье. Знаешь, после того как я его избил, мне захотелось найти тех, на кого он работает. Я вполне готов нажать на курок, без каких-либо колебаний. Раньше я думал, что это морально тяжело, бить людей, но признаюсь, когда я его избил, я почувствовал себя молодым атлетом.

– Это тоже своего рода наркотик Дойл. Помнишь мои слова про тюрьму и тапочки?

– Помню.

– Думаю сейчас тебя волнует другое… Любого здорового и порядочного человека в такие моменты беспокоит страх перед тюрьмой.

– Ты прав! Но я сделал это ради дочери. И если понадобится, я сделаю это снова!

– Мне бы твою уверенность – жил бы сейчас во дворце, писал книжки и трахал сельчанок. Я не думаю, что парочка дохлых наркобарыг что-то изменит… Это как мазать шанкры зелёнкой вместо того, чтобы лечить саму болезнь… Друг, если задумал умереть, то есть способ по проще! – сказал Джозеф и направил руку к своей голове имитируя выстрел.

– А как же дети Джозеф? У моей соседки умерла дочь, совсем юная, умерла от передоза. Моя собственная дочь чуть не подсела на эту дрянь, а может и подсела и просто нагло врет. Мы должны защитить людей! Мы на войне!

– И что ты предлагаешь? Завалить несколько наркобарыг? От этого ничего не изменится, это даже не ходить по поверхности, а для того, чего хочешь ты, как я понял, надо копнуть глубоко. У нас нет такой силы. Да и возвращаться обратно в эту грязь я не хочу! Пока ты этого не понимаешь, как оно заманивает тебя, словно молодая танцовщица…

Дойл допил стакан чая, попрощался с Джозефом и уехал.

По дороге домой, Дойл заехал в мясную лавку, где обычно закупался продуктами и добротной говядиной.

– Мне два куска говядины, как обычно. Спасибо! – сказал Дойл продавщице, дождавшись очереди.

Продавщица положила мясо в пакет и протянула его Дойлу, который о чем-то глубоко задумался, но потом, как бы вернувшись обратно в реальность, поблагодарил ее и вышел из лавки.

На улице рядом с его автомобилем стояла компания хихикающих, курящих молодых людей. Дойл подошёл к автомобилю, не обращая на них внимания; и тут он был неприятно удивлен, как и Мертвый который находился в этой компании, а после того, как Мертвый встретился глазами с Дойлом, он слегка содрогнулся и вспомнил, как Дойл яростно избивал его ногами. Мертвый пугливо замер, но быстро пришел в норму и с яростью крикнул:

– Это он!

По Дойлу искрометно пробежались мурашки. К нему быстро начали приближаться Мертвый и его друзья. Медленно отступая к своему автомобилю, Дойл глядел на их лица, иска-

женные от злости и ненависти. Дойла захлестнул животный страх, он все больше столбенел, словно перед ним были отборные нацисты, вдруг заметившие гуляющего по площади Берлина еврея, который в голодное время, с наглой ухмылкой на лице, тащит домой куски мраморной говядины, да ещё и не довольно бурчит, глядя на пасмурное небо.

Каким-то чудом Дойл вспомнил про пистолет, спрятанный у него под пиджаком. Его пальто было расстёгнуто, так что ему удалось вовремя выхватить оружие и направить на подбегающих неприятелей. Однако хватит ли патронов, чтобы перестрелять всех? Никакой стрельбы не было, вся компания Мертвого остановилась, увидев направленный на них пистолет, – никто из них не хотел получить пулю. Паникуя, Дойл все же судорожно нажал на словно замерший курок. Но выстрела не было, по неопытности Дойл не снял оружие с предохранителя. Затем он мигом сел в автомобиль и уехал.

В заднее стекло автомобиля прилетел камень и разбил его. Мертвый держался за ребра и истерично кричал Дойлу вслед:

– Считай, что ты труп! Я съем твоих детей!

Глава 4: эхо демократии.

Хафиза прилетела в Новый город в надежде обрести новую жизнь, ведь на ее родную землю ступил суровый, пропитанный либеральными «ценностями» сапог демократии и теперь ее страна разрушена войной. Когда Хафиза эмигрировала, она не рассчитывала на лёгкую жизнь, которая ей была чужда. По приезду у нее было желание найти хоть какую-нибудь работу: уборщица, официантка или садовница – ее устроит, что угодно, чтобы прокормить себя. Молодая Хафиза готовилась к худшему, но то, что она окажется измождённая и избитая в багажнике патрульного автомобиля не было даже мимолётного представления; ей казалось, что все это дурной сон, который вот-вот отнимет последние силы и сведёт с ума.

Патрульный Горни довольно разжёвывал шоколадку и крутил руль: ночь, тихая улица, глухие еле слышные удары по стенкам багажника – так выглядит романтика социопата в полицейской форме!

Глава 5: «Богу не нужны овцы. Богу нужны боевые волки, сражающиеся на его стороне!»

Дойл на ближайшее время забыл о работе и после бодрящей встречи с Мертвым решил пару дней отсидеться дома и перевести дух. Но в конце недели все же придется вернуться на работу, ведь придет Эндрю Киль, чтобы в очередной раз мафия немного нажилась. Дойл не хотел проверять, что будет, если не заплатить в положенное время, так называемый «процент».

Он не включал свет. От малейшего шума за окном у него перехватывало дыхание; и мысли о Мертвом и его дружках становились навязчивыми. Мария тоже была в доме, Дойл соврал ей, якобы сегодня «охранное агентство» поймает с поличным грабителей, и поэтому пару дней ювелирный нельзя открывать – это опасно. Однако Мария услышав про грабителей, словно обрадовалась. В ней вспыхнуло любопытство, ей точно хотелось сидеть в засаде и выжидать.

Слухи о том, что многие люди, имеющие прибыльное дело, разорились благодаря мафии, разошлись с удивительной скоростью. Многие деловые люди, задумывались о продаже своего бизнеса, в том числе и Дойл.

Сосед Дойла, что жил через дорогу, дочка которого недавно погибла от передозировки – застрелился. Смерть дочери нанесла ему мощный удар, который он не смог выдержать… Ранее Дойл пытался помочь их семье, он рассказал покойному отцу Эллисы про ее поход в клуб и наркотики, но было уже поздно, Эллиса уже страдала зависимостью и чуть не утащила вслед за собой Марию… Соседская собака третьи сутки безостановочно выла, тоскуя о хозяине, и только лишь лишившийся сострадания и морали человек мог спокойно спать на этой улице, по которой вот-вот понесут гроб, где лежит молодая девушка Эллиса, которую все знали, как примерную и воспитанную гражданку, и она действительно была такой, но чьё-то желание нажиться оказалось сильнее родительских наставлений… Впрочем здесь обитали и такие граждане, кто изо всех сил старался заснуть тем сном, которым засыпают люди не имеющие слишком сильных умственных способностей, при этом пытаясь не обращать внимания на шум за окном, но боже, этот собачий вой… Многие уже были готовы отдать любые деньги, только бы этого воющего, некогда приятного и веселого соседского пса, наконец, застрелили. Дойл не был среди этих людей, он дико сочувствовал своему соседу, его дочке и псу. И есть ли в тех, кто продает наркотики, хоть какое-то сострадание к тому, кто по глупости покупает «волшебную таблетку»? Конечно нет! Для таких особей важно только одно – деньги. И плевать на жизнь этой девушки или какого-нибудь наивного парнишки. Кстати, о наивности… советую всем от нее как можно скорее избавиться.

Дойл иногда заходил в комнату Марии и интересовался, что она приготовит на ужин; он старался уделять больше внимания дочке, по которой было видно, что ее одолевает скука. В свою очередь Дойл ощущал себя в окопе, словно он на войне, на которой он защищает свой дом и свою дочь – единственного члена семьи. Но он не знал, какую тактику ему нужно использовать, чтобы победить. На его улице, словно совсем недавно поселилась некая сущность, что высасывает из людей человечность, оставляя пустые оболочки, которые со временем наполнятся чёрствостью и безразличием. Большинство его соседей уважаемые, гордые люди, а сейчас они попрятались по своим домам, словно по городу разгуливает болеющий чумой маньяк, наводящий на всю округу средневековый страх, имя которого – уличная наркоторговля.

Громко зазвонил телефон. Дойл испуганно к нему подбежал и слегка дрожащим голосом ответил.

– Слушаю!
– Это я Джозеф.
– Что случилось?
– Можешь приехать?
– Через двадцать минут буду у тебя.

Пакет, что привязал Дойл вместо разбитого заднего стекла своего автомобиля, шумел от порывов ветра и иногда даже пугал, заставляя периодически оглядываться и вспоминать Мертвого и оглушительный звук разбивающегося стекла.

Рядом с магазином Джозефа был припаркован автомобиль, который Дойл прежде здесь не видел; он взял с собой пистолет и направился внутрь, ожидая самого плохого. Смеркалось. Моросил дождь.

– Рад видеть! – сказал Джозеф и крепко пожал руку Дойлу. – Чего такой возбуждённый? Думал у меня проблемы?

На улице поднялся сильный ветер, да так что во всей округе отключилось электричество. Джозеф зажёг свечу и язычок пламени на сколько это было возможно освещал лица собравшихся за столом: свет лил лишь на одну сторону лица Джозефа, с которой он самый обычный мужчина, а с другой стороны его лица, с той что была в темноте, глядел жуткий, волчий глаз, наполненный любопытством. И глядя на Дойла Джозефу казалось тоже самое…

– Новости печальные, как минимум для меня. Помнишь моего мальчика?

– Помню. Прекрасный ребенок.

Джозеф вздохнул и продолжил:

– Я долгое время платил сыщику, чтобы он нашел моего сына. Ну и вот, когда я уже смерился, что больше никогда его не увижу, мне позвонил сыщик и сообщил, что полгода назад, моего мальчика зарезали в одном из наркоманских притонов Каменного Города. Очень странные ощущения захлестнули меня. Единственное, что мне помогало выживать в тюрьме, это сумасшедшее желание вернуться обратно к сыну. И теперь я не знаю, чего мне хочется больше – застрелиться или застрелить каждую мразь, что безнаказанно торгует дрянью.

– Соболезную Джозеф. Не знаю, что сказать…

– Сегодня виделся сон, даже нет, наверное, это больше было воспоминание, такое яркое, воспоминание из детства, когда у меня потерялся пёс. Тогда мама мне говорила: сходи, походи по улице, поищи Акселя, он не мог далеко убежать. А я ленился и не считал нужным искать своего единственного на свете друга, настоящего друга, который готов умереть за тебя! И через несколько дней я все-таки пошел на его поиски. Я нашел его на дороге, собаку сбила машина. От Акселя уже смердело и тело начинало раздуваться. Я подошёл к нему, снял свою куртку, закутал его и взял на руки. Было тяжело нести, собака была крупная, породистая лайка, а я был мелким. Но я нес и не было даже мысли оставить его там. Цель была только одна – вернуть друга домой и все равно что он уже мертв. И когда уже до дома осталось несколько метров, я не выдержал, силы закончились, и опустил его на землю, затем схватился за задние лапы и начал волочь по земле. Я старался не смотреть в его мутные, залитые кровью глаза, мне было дико стыдно перед ним, до такой степени, что я готов был оказаться на его месте. Так я и похоронил его в своей куртке.

– А у меня никогда не было собаки. У отца была аллергия.

– Ты был прав… Тяжело справиться с эмоциями, когда что-то касается твоей семьи. В тот день, когда ты пришел, и мы говорили про наркобарыгу, которого ты отрифтовал, помнишь семью с детьми-близнецами, они выходили из магазина, ты их видел?

– Да. Прекрасная семья.

– Так вот, эти ребята попали в аварию. Какой-то дегенерат-наркоман въехал в них на встречной полосе. Один ребенок в тяжёлом состоянии, а с другим, слава Богу, все хорошо.

У родителей просто ушибы. Я решил, если ты ещё не передумал, попытаться все изменить. Ты был прав: мы на войне! Мы должны разобраться Дойл.

– Разобраться?

– Вчера один наркоман пытался купить у меня ствол, прям на улице, представляешь? Конечно, я ему ничего не продал, да и не таскаю я с собой без нужды. Оказывается, он был под кайфом и в тот вечер подошёл не только ко мне. Я как раз получил новости о сыне и

только возвращался с церкви. Этот придурок рыдал и называл имя – Грязный Том. Якобы этот Том его убьет, не знаю за что, разговаривать с ним было невозможно, но было видно, что он знает многое… Я воспользовался моментом и заманил этого придурка в свой гараж на окраине города, под предлогом, что продам пистол…

Дойл перебил:

– Зачем Джозеф? Зачем ты его заманил?

– Ты дашь рассказать или нет? Наркошу зовут Кен, оказывается он приближенный Грязного Тома – знаменитого городского наркобарыги. Кен просадил часть товара, который должен был продать, и не на шутку испугался, считая, что за это Грязный Том его завалит. Поэтому он решил обзавестись оружием. Капля инстинкта самосохранения в его гнилом теле все же осталась… Я запер Кена в гараже и дождался пока у него начнется ломка, и он рассказал всякое интересное и даже назвал адрес Грязного Тома, но самое главное он лично ему позвонил и порекомендовал новых покупателей, то есть нас с тобой. По сути, он организовал встречу, на которую мы бы так просто не попали. Ты удивишься, как ловко врут наркоманы, когда перед ними трясёшь пакетиком с героином во время ломки. Затем я немного походил, поговорил там и здесь и убедился, что Грязный Том действительно крупный местный наркобарыга, которого крышует мафия и полиция.

– Зачем нам эта встреча, Джозеф?

– Предлагаю его завалить! Судьба мне подкинула возможность, сделать этот мир чутка лучше.

– Нас начнут искать, – добавил Дойл и приоткрыл рот, словно воздуха ему не хватало, и снова вспомнил про Мертвого.

– Будет странно, если не начнут. Впрочем, Дойл, тебя уже ищут… Никто не подумает, что это сделали, по сути, обычные люди, если нас так можно назвать… Мафия решит, что это их конкуренты завалили Грязного Тома. Я пригнал машину, почистил оружие, и я хочу, чтобы сегодня ночью хотя бы одной тварью стало меньше. Так что, ты со мной? С тобой или без тебя – я все равно пойду!

Дойлу показалось, что Джозеф слегка в бреду, и ему резко захотелось уехать обратно домой и отсидеться в своей комнате, но от горящих, словно подбадривающих, наполненных горем глаз Джозефа, он словно опьянел и вдруг возникло предвкушение того дико бодрящего чувства, которое заполнило Дойла после того как он избил Мертвого. Дойлу вновь захотелось вплеснуть в кровь адреналина…

– Да Джозеф. Я с тобой, – ответил Дойл.

Джозеф – человек, судьба которого сложилась не очень удачно, но он не собирался сдаваться несмотря ни на что. Несмотря на десять украденных у него лет, несмотря на гибель его единственного сына. Он считал, что жизнь любого мужчины –это сплошные трудности, которые нужно полюбить и преодолеть. Сейчас он словно безумец был убежден, что он орудие в руках Божьих; а наркоторговец, которого он предложил убить – это демон.

– В церкви говорил со священником, он сказал мне: Богу не нужны овцы! Богу нужны боевые волки, сражающиеся на его стороне. На святое дело идём, Дойл! – сказал Джозеф.

– Так, четвертый, а там должен быть пятый дом! – сказал Джозеф, спустя несколько часов езды и остановился. – Пройдемся, не будем подъезжать вплотную…

Втиснув, револьвер под ремень, Джозеф со скрипом открыл дверь автомобиля.

Он глядел на ветхие, прогнившие дома, казалось, они вот-вот сложатся и станут просто грудой не нужных досок. Неужели здесь живут люди? Как это не странно и неожиданно, но на улице, по которой они шли и периодически оглядывались, было подозрительно тихо, настолько спокойно, что Дойлу и Джозефу мерещилось, что их поджидает засада. В ближайшей округе находился только один приличный дом с номером «5», и лишь в нем зажжён свет.

– Стой! – сказал Джозеф и замирая присел, прислушиваясь к гулу. – Слышишь? Кто-то едет… – добавил он и спрятался за бетонной плитой.

К дому Грязного Тома подъехал патрульный автомобиль, но не для того, чтобы его арестовать, как сначала подумал Дойл и в глубине души расстроился, ведь он уже вошёл в азарт: какого оно стрелять в человека? Полицейский Горни открыл дверь авто, медленно вышел, оглядываясь по сторонам, и направился к багажнику, откуда он за волосы вытащил кричащую сквозь зубы девушку, которая пыталась сорвать со рта скотч и завопить во весь голос о помощи, которую на этой скудной улице едва ли стоит ждать… Дойл и Джозеф выглядывали из-за бетонной плиты и наблюдая весь цинизм происходящего, они скрипели зубами от злости, но не решались помочь несчастному человеку.

– Что будем делать? – сказал Дойл, глядя на темную фигуру полицейского. – Это арабский? – добавил он, услышав истеричный голос девушки, которой все же удалось содрать со рта скотч и закричать. Но даже если бы кто-то на этой улице и услышал женский вопль о помощи, то скорее всего предпочел бы заткнуть уши и не становится по неволе свидетелем преступления. Это была общая тенденция местных жителей.

– Не знаю. На этот случай плана у меня нет, – ответил Джозеф и в блеске его светлых глаз, в которых отображались патрульный автомобиль, мокрый асфальт и дом, Дойл словно прочитал его мысли: «Сидим тихо и не высовываемся!» Подобные мысли гораздо лучше передаются молчанием, нежели словами.

– Заткнись сука! – уверено и грозно раздался голос Горни. А затем он поставил девушку на ноги, ударил ее коленкой в живот и силой поволок к дому, словно демон, волочащий в пекло обречённого человека. – Будешь знать, как перебегать дорогу в неположенном месте! А если тебя сбил бы приличный человек? Тогда у него были бы проблемы! – добавил он, точно ему нужен повод, чтобы довести до конца жуткое злодеяние, которое он будет умело оправдывать, когда останется наедине со своими мыслями, в которых практически не осталось ничего человечного.

А может для него, как человека, занимающегося подобным годами, уже стало частью работы торговля нелегалами? Нелегалов не считали за людей, по двум причинам: первая – у них нет паспорта; вторая – они нигде не числятся. А значит это не люди – это возможность заработать.

Горни отдаст эту девушку в цепкие лапы Грязного Тома, который в свою очередь предоставит «живой товар», которым ловко распорядятся местные сутенеры, работающие на него. Подобными жертвами, становились девушки, не имеющие гражданства, а значит прав! После того как девушка по глупости или неосторожности попадала в полицейский околоток, такие как Горни проверяли ее документы, которых чаще всего не было; а затем девушку сажали на несколько суток в камеру, даже если она этого не заслуживала по закону, а после того как девушка ослабнет, увозили ее прямиком к Грязному Тому, который платил коррумпированным полицейским хорошую долю за подобные услуги. Перед отправкой к Грязному Тому, ловкий страж порядка, понимающий всю беспомощность и участь такой девушки, мог воспользоваться моментом и изнасиловать ее. Таким циничным образом наживаются деньги, которые дико сводят с ума, и люди начинают творить ужасные вещи. Но так можно сказать, только если вы цените человеческую жизнь. А вот для Горни, это просто возможность хорошо заработать. И эта лишь одна из ветвей, которая приносит прибыль организованной преступности Нового

города! Конверты набиваются деньгами и в положенное время члены организации кладут их в карман босса.

Горни шагал обратно к автомобилю насвистывая детскую песенку, словно разменная голос перед тем, как он вернется домой и споет колыбельную своей дочурке. Патрульный автомобиль уехал.

– Пошли! – сказал Джозеф и встал.

Бурлящий в крови адреналин заострял чувства Дойла, и его ладони слегка тряслись. Он держал руки в карманах – точно боясь выдать свои истинные намеренья и спугнуть Грязного Тома. Дойл и Джозеф спокойно, будто они пришли с благими намерениями, нежно, без намека на всякую грубость, постучали в дверь дома. Дойл почувствовал, как уверенно погружается в ранее невиданный для себя образ бандита, который пробуждал в нем первобытную свирепость. Ту свирепость, которая у современных мужчин настолько сильно атрофирована, что лишний раз они стараются не смотреть друг другу в глаза. Сейчас Дойл был настроен решительно, словно старый якудза.

– Телку или дурь?! – раздался веселый, писклявый голос за дверью.

– Дурь! – ответил Дойл.

– Деньги покажите…

Дойл достал купюры и помаячил ими у дверного глазка.

Дверь открылась, и тут показался он: человек ужасного вида, такое ощущение, что пред тобой оживший покойник в домашнем халате. Грязному Тому всего 35 лет, но по его роже кажется, что он старше Дойла и Джозефа вместе взятых.

По договоренности стрелять должен был Джозеф и сейчас ему всего лишь нужно вытащить пистолет и нажать на курок. Но Джозефу внезапно, точно он этого не планировал, захотелось какой-то театральщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.